

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Константин Леонтьев

Византизм и славянство

«Что такое византизм?»

Византизм есть прежде всего особое лицо, образцованность или культура, имеющее свои отличительные признаки, свои общенациональные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия...

Византизм в государстве значит — самодержавие.

В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей...

«Что такое славян?»

Ответа нет!.. Славян, каковы во всецелости своей, есть еще объект, западан.

Константин Леонтьев. Византизм и славянство // АСТ, АСТ Москва,
Хранитель, Москва, 2007
ISBN: 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5
FB2: Denis, 2009-01-23, version 2
UUID: 4a3a5f3c-3a18-102c-b1cf-18f68bd48621
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Николаевич Леонтьев

Панславизм на Афоне

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна из интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0071

Константин Леонтьев

Панславизм на Афоне

В предыдущих письмах моих, под заглавием «Панславизм и греки», я изложил вам свои взгляды на Восточный вопрос и на новую фазу, в которую, мне кажется, он вступил после поражения французов германскими войсками и еще более после насильственного разрешения греко-болгарского вопроса. После этого мне легче будет говорить о святой Афонской Горе и о том, как в это глухое и тихое убежище *чистого* православия пытается проникнуть национальный фанатизм эллинской политики.

Прежде всего, надо для тех, кто мало знаком с Востоком и Святыми Местами, объяснить, хоть кратко, что такое Афонская Гора и в каких отношениях состоит она к Турции и Вселенской патриархии.

Афонская Гора есть особая привилегированная провинция Турецкой империи.

Я не буду говорить о ее географическом положении – всякий сам может взглянуть на карту.

Отношение Афона к Турции можно уподо-

бить вассальным отношениям, ибо самоуправление у него почти полное и *de jure*, и *de facto*[1]*.

Но монахи, населяющие его, считаются подданными султана, а не какой-либо местной особой власти, как жители тех областей, которые имеют с империей лишь чисто вассальную связь.

В случае общих гражданских тяжб или обыкновенных уголовных дел монахи афонские подчинены высшим судебным и административным учреждениям Македонского вилайета.

На Афоне живет особый каймакам, турецкий чиновник, состоящий под начальством у салоницкого генерал-губернатора, то есть македонского, ибо по-турецки Македонская область называется теперь *Селаник-вилайет*.

Каймакам на Афоне имеет, собственно говоря, только полицейскую власть, да и то употребляет ее преимущественно лишь по требованию монашеского местного синода, называемого *Афонский Протат* (от греческого слова *πρώτος* – первый).

В церковном отношении, каноническом и

духовно-административном, Афон зависит от константинопольского патриарха, и все монастыри его суть монастыри патриаршие, ставропигиальные, то есть независимые от местных или соседних епископов и митрополитов, например салоникского. Всеми местными делами правит *Протат*, который состоит из двадцати членов или представителей двадцати афонских монастырей[2].

По внутреннему, административному своему устройству Афон похож на аристократическую республику, где аристократический элемент представляют, однако, не лица, а корпорации.

Эти корпорации суть двадцать привилегированных монастырей, имеющих право посылать в Протат представителей.

Вот их имена:

Греческие монастыри.

1) *Ватопед*; 2) *Ивер*; 3) *Эсфигмен*; 4) *Ставро-Никита*; 5) *Филофей*; 6) *Котломуш*; 7) *Каракалл*; 8) *Григориат*; 9) *Дионисиат*; 10) *св. Павла и Георгия*; 11) *Дохиар*; 12) *Ксеноф*; 13) *Симо-Петр*; 14) *лавра св. Афанасия*; 15) *Пантократор*; 16) *Ксиропотам*; 17) *Костамонит*.

Болгарские:

18) *Зограф*; 19) *Хилендарь* (*Хилендарь* вначале был сербский, но мало-помалу болгары, как соседние по местности, заняли их место, а сербы стали все реже и реже являться на Афон)

и 20) *русский св. Пантелеймона*. (В нем, если не ошибаюсь, на пятьсот человек около полутора ста греков, и сам игумен, отец Герасим, столетний грек, известный издавна в тех краях умом своим и безукоризненной святостью своей долгой и многотрудной жизни. Русскими он чрезвычайно почитаем и любим.)

Всего монашеского населения на Афоне полагается около 8–10 тысяч, не считая подвижного населения – поклонников и наемных работников из соседних местностей. Население двадцати вышеназванных монастырей составляет меньшинство. Остальные монахи расселены: 1) по скитам, то есть по обителям меньшим, не имеющим права голоса в Протате, построенным на земле которого-нибудь из *действительных*, привилегированных монастырей и более или менее зависящих от него

(таковы, например, *русский скит св. Андрея* или *Серайский скит*, зависящий от Ватопеда; *скит св. Или*, тоже русский, населенный выходцами из южной России, зависимый от греков Пантократора; *Молдавский скит* и др.); 2) *по кельям и каливам*, то есть по отдельным домикам в лесу, тоже на монастырской земле и под началом монастыря. *Келья* есть жилище с домовою церковью; *калива*— домик без церкви; 3) *по наемным квартирам* в небольшом афонском городке, называемом *Карей*, где живет каймакам турецкий и заседает Протат; и, наконец, 4) *по шалашам в лесу и по скалам и пещерам*, иногда едва доступным.

В племенном отношении греки преобладают далеко над всеми другими элементами. Русских не насчитается и 1000 человек, болгар не более того, а молдо-валахов, грузин и сербов очень мало.

Едва ли на 9000 монахов афонских найдется две с половиной тысячи *не-греков*.

Официальный язык на Афоне греческий. Уставы везде хранятся византийские и вообще хранятся строго. В славянских монастырях, Хилендаре и Зографе, ничего нет особого,

кроме языка и церкви. Убранство церквей, общий чин обителей, род иконописи, церковный напев, образ жизни, образ мыслей – все такое же, как и у греков. Зограф и Хилендарь – просто перевод греческой монастырской жизни на славянский язык.

Несколько иначе живут русские в монастыре св. Пантелеймона и в Св.-Андреевском скиту. У них другое пение, иное убранство храмов; есть свои оттенки в уставе, пище, порядке, занятиях, привычках; эти обители по *внешности своей* напоминают во многом великорусские монастыри.

Общеафонскому уставу и местным преданиям эти русские обители подчиняют себя строго и беспрекословно.

Например, в монастыре св. Пантелеймона всеобщие бдения выдерживаются по древнему византийскому порядку: около 4 часов каждый день, после полуночи, а под некоторые праздники по 10–12 и более часов, от захождения солнца и до рассвета, например, во всю длину долгой зимней ночи.

Относительно избрания игуменов и тому подобных вопросов внутреннего управления

русские сообразуются также вполне с афонскими обычаями.

Прибавим даже, что в язык свой русские монахи допустили множество греческих и даже турецких слов, например, *фортья* – ноша, мерка хвороста дров и т. п., *архондарик* ἀρχονταρικόν, приемная для гостей, место, где принимаются *архонты*, именитые посетители. Нет нужды, что русские ужасно искажают и уродуют греческие и турецкие слова, – из благозвучного турецкого *тэскерé* (паспорт, вид) делают *дишкёр*; греческое слово ὁ ἐργάτης (работник) превращают иные в *аргат*, а другие еще красивее – в *рогатый*; τὸ *архондарикόν* становится у наших *фондарик* или даже *фондаричок-с*.

Итак, за греков всё: власть, численность, язык, уставы, привычки и в особенности соседство их племени.

Русские отдалены от своей земли большим пространством и обширным морем. Греческое племя со всех сторон окружает Афон. Соседние села между Салониками и Святой Горой – все греческие. Острова Эгейского моря, Тассо, например, который виден с Афона, и

столькие другие, – недалеко; границы Фессалии и самой Эллады близко, весь морской берег соседней Фракии есть даже больше греческий, чем болгарский. Города: Кавалла, Энос, Силиврия, Дарданеллы, Галлиполи – все греческие города по духу и населению.

Самые богатые монастыри на Афоне: Ватопед, Зограф и Ивер. Ватопед получает с бессарабских имений своих, по счету одних, около 90 000 руб. сер. в год, а по другим – гораздо более, до 150 000 руб. Зограф получает, кажется, около 20 000 руб. У Ивера тоже большие доходы. Кроме этих монастырей, еще *Ксиринотам* и *Святопавловская обитель* имеют в России имения с обеспеченными доходами.

Итак, между несколькими греческими обителями, имеющими *постоянные, верные* и большие доходы, мы встречаем один только *славянский* – Зограф.

Монастырь св. Пантелеймона, который называется *Русским*, или *Руссиком*, хотя правильнее его следовало бы звать греко-русским, имений в России не имеет; он процветает благодаря лишь одним постоянным и добровольным приношениям вкладчиков, и

потому средства его далеко не так велики и не так верны, как поземельные доходы греческого Ватопеда.

Итак, к *соседству* родного племени, ко *власти*, к *численности*, к *характеру уставов и обычаев*, к *языку* надо прибавить и еще одну силу, находящуюся в руках греческого племени на Афоне, силу немаловажную – *богатство*.

Есть и еще одна греческая сила на Афоне, о которой надо упомянуть. Сама новейшая *социология* берет в расчет все *реальные*, то есть все имеющиеся в действии силы, а не одни лишь силы вещественные, материальные. Есть у греческого племени на Афоне сила, которая тому, кто знает монахов, поклонников и Афон, является силой весьма важной; это примеры *высшего аскетизма*.

В Киеве, в 1871 году, издана небольшая книжка под заглавием «Письма с Афона о современных подвижниках афонских». Автор ее – русский монах на Афоне, отец Пантелеймон, в миру Сапожников. В этой книжке изображена очень верно жизнь некоторых афонских монахов, удалившихся из обителей в

неприступные скалы или хижины, построенные в самых диких местах.

Оставляя в стороне собственно духовную часть этого небольшого, но крайне любопытного сочинения, в которой говорится о чудесах, совершившихся над этими аскетами или над другими людьми, им преданными, – ибо размеры моей статьи не позволяют мне отвлекаться от главного предмета моего, – я могу засвидетельствовать здесь только о полной исторической верности этого изображения.

Отшельники эти действительно живут *сурово*, уединенно и добровольно нищенски, проводя все время в поражающем постничестве и молитвах.

Некоторых из них я видел сам и говорил с ними. Люди это вовсе не одичалые, как готовы, я думаю, предполагать многие невежественные порицатели монашества, а, напротив того, большей частью светлые, ласковые, младенчески благодушные и при этом весьма самосознательные, то есть понимающие, что они делают.

Большинство этих людей – греки; есть и болгары между ними, но если устранить во-

прос чисто политический, который сделал болгар врагами греков, то мы найдем между ними и греками очень мало разницы в привычках и психическом характере, особенно же на почве церковной; эти нации представляются как бы двумя телами, заряженными одинаковым электричеством и которые поэтому взаимно отталкиваются. *Культурно* эти нации до сих пор, по крайней мере, были схожи друг с другом гораздо более, нежели, например, с нами, русскими.

Образованный по-европейски болгарин более похож на такого же грека, чем на русского того же воспитания; простолюдин болгарин большей частью больше похож на греческого простолюдина, чем на русского; монах болгарский и монах греческий более близки друг к другу (не по сочувствию, а, так сказать, *объективно*, по нравственной физиономии), чем к монаху русскому.

К тому же все эти афонские болгары-подвижники суть болгары старого поколения, то есть дети *чисто греческого* воспитания, сыны того времени, когда для турок все христиане в империи были одно: *Рум Миллеті* (то

есть *ромейский, римский* народ), а болгары и греки, вместе неся иноверную власть, знали себе только название *православных*. Итак, высшая степень монашеского *аскетизма* на Афоне принадлежит – так же, как и *власть, язык, богатство, численность* – греческому племени и отчасти его воспитанникам болгарам.

Русский набожный поклонник, которого сердце рвалось на Афон, слушая древние рассказы о подвижниках, встречает здесь свой идеал отречения и возвращается на далекую родину свою успокоенный.

«Подвижничество, добровольная нищета тела и духа не погибли еще на земле!»

И этому идеалу его, сами не зная того, послужили преимущественно греки и родственные им по прежнему воспитанию болгары.

– Какая *польза* в этом фанатизме?! – восклицает либеральный прогрессист. Понятие пользы присуще всем людям, и русский богомолец не виноват, что он *идеальнее* прогрессистов в понимании *пользы*. Он видит пользу себе в посещении такого пустынного; он видит в примерах его жизни и его удалении

пользу всей Церкви; он ждет от его молитв пользы всякому человеку и всему человечеству.

Это опять *реальные факты*, против которых не может сказать никакой материализм.

Таково положение Святой Горы.

Почему же *внешние* греки так испуганы и ожесточены?

Какой панславизм увидали они на Афоне?

Прежде чем передать вкратце печальную повесть мирских, политических интриг, искавших поселить национальную вражду на Святой Горе, которая живет своей особой, не греческой и не русской, а *православной* жизнью, я расскажу небольшую историю, случившуюся прошлым летом в окрестностях Афона.

В ней играют роль греки, русские и отчасти турки.

Она, как бы в миниатюре, изображает современное положение дел на христианском Востоке. В ней мы найдем все те черты, которые, в крупном виде, находим, разбирая нынешние отношения греков к России.

Часах в десяти-двенадцати (то есть верстах

в пятидесяти) от границы Святой Горы (за которую не переступают уже женщины), на пути в Солунь, есть греческое селение *Ровяник*. Хотя имя его и славянское, но населено оно греками, как и все села, лежащие к югу от Солуны на том гористом и лесном полуострове, который выступает в Эгейское море тремя длинными косами: Саккой, Кассандрой и Афоном.

Ровяник отстроен очень недурно, имеет церкви, порядочную школу народную и вообще представляет тот веселый и вовсе не бедный вид, каким отличается большинство греческих сел в Турции. Один из приматов (глав ходжабашей) Ровяника достраивает себе огромный и высокий каменный дом, какой годился бы во всякую столицу. Вблизи от села начинается прекрасный лес широких и могучих каштанов, покрывающий на далекое пространство соседние горы. В полудне ходьбы от села, в этом прекрасном каштановом лесу находится церковь Божией Матери, обыкновенно называемой *Панагия* (Всесвятая) в *Ровяниках*. Церковь эта имеет икону, прославившуюся в стране чудесными исцелениями. Не

только христиане из далеких сел, но и турки нередко приходят молиться или привозят своих больных родственников. Для отдыха этих больных построено около церкви небольшое и плохое здание о нескольких комнатах, из них же только две крошечные кельи обитаемы зимой. В этих двух маленьких кельях живут две русские монахини, обе женщины уже в годах. Одна из них приехала сюда и поселилась около Панагии уже около десяти лет тому; другая не так давно. Они обе имеют, хотя и очень скромные, но все-таки свои средства и условились с сельскими греками, которым принадлежат эта земля и эта церковь, чтоб им позволено было занимать те две комнатки.

Сверх того, при самой церкви есть небольшая пристройка, где особо живет старая гречанка, тоже монахиня.

Эта гречанка – женщина необыкновенного простодушия и самой искренней доброты.

Ее набожность и благочестие были единственной причиной возвышения этого храма. Ей приснилось, когда она еще была бедной миряной, что в одном высохшем колодце

неподалеку скрыта древняя икона Божией Матери, которую надо отыскать и поставить в храме. Над ней долго смеялись тогда селяне; наконец она убедила их начать поиски; икону отрыли и построили церковь; вскоре икона эта стала привлекать много богомольцев и больных. Ровяникские греки, правда, украсили церковь на первый раз; но потом, по всегдашнему обычаю всех восточных христиан (и греков одинаково), стали смотреть на нее как на источник общественных доходов села и на средство для содержания школ своих, эллинских учителей и т. п. (Все греческие селяне, заметим, очень любят учиться грамоте, преимущественно затем, что легче будто бы сделать коммерческую карьеру или, как они выражаются, *чтобы другой меня не провел.*) Все деньги, которые кладутся поклонниками и богатыми в кружку церковную, селяне берут себе и на церковь не оставляют почти ничего.

Русские монахини, матери Евпраксия и Маргарита, постриглись недавно; обе они прежде жили простыми богомолками, и греки их не беспокоили. Около двух лет тому на-

зад пришла с Дуная третья русская женщина, монахиня, давно уже постриженная, мать Магдалина из Малороссии. Она была без всяких средств, очень больна, хотя и не стара, и решила поселиться тут потому, что отец ее, старик и тоже монах, недавно переселился на Афон, где и живет кое-как трудами рук своих в какой-то хижине.

Первые две русские женщины неграмотны и не знают ни пения, ни устава церковного.

С появлением бедной и больной Магдалины, которой иногда, без прибавления, есть было нечего, завелся кое-какой порядок в молитвах; она знала устав монашеский, пела по-русски и читала по-славянски в церкви и прожила, больная и молясь всю зиму, в одной полуразрушенной комнате строения.

Отец ее, сам крайне нуждаясь, мог существовать иногда только благодаря помощи русских духовников Пантелеймоновского монастыря. К тому же расстояние от Афона до Ровяников – около шестидесяти верст тяжело-го горного пути, и леса зимой нередко целый месяц и два бывают завалены на высотах снегом.

Мать Магдалина рассказывала мне, как она иногда голодала и болела в то же время лихорадкой.

Раз ей нестерпимо хотелось есть, хлеба давно не было. Евпраксия и Маргарита были в отлучке где-то. Мать Магдалина питалась около недели зеленью. Пошла она в пустую церковь и, упав пред иконой, просила Божию Матерь или напитать ее, или уж послать ей смерть.

«Только что я заплакала и помолилась, – рассказывает Магдалина, – слышу я, звонят колокольчики на мулах и голоса. Вышла, вижу, старик один, иеромонах, грек с Афона, проезжает куда-то. Он знал меня и сейчас говорит: „А! Что ты, бедная, как живешь? Терпишь, должно быть, нужду всё“. Благословил меня и велел послушнику своему достать для меня два больших и хороших хлеба из мешка. И поехал. А я уже ела, ела этот хлеб; ем и молюсь за грека-старичка и плачу! И ем, и плачу!»

Наконец отец прислал ей немного денег, из консульства солуньского ей помогли, и она задумала построить себе около самой церкви

маленькую, темную, особую хижину. Приходил на Афон какой-то русский поклонник, служивший при русских постройках в Иерусалиме. Он вызвался даром, «во славу Божию», построить ей хижинку, нужно было только согласие сельских старшин; сельские старшины почему-то долго не решались и вообще, как она и прежде замечала, смотрели на нее хуже, чем на двух других, *безграмотных*, монахинь; но наконец позволили.

Купив доски, поклонник русский начал ей строить; вдруг прибегают из села пять-шесть греческих старшин и с ними какой-то неизвестный человек в европейском платье. Они, под предводительством этого *европейца*, кидаются на бедную постройку, ломают ее, ломают вдребезги доски; гонятся за Магдалиной в церковь, ее выгоняют и вместе с ней старушку-гречанку, которая хочет отстоять Магдалину; схватывают некоторые русские (однако недорогие) иконы и все славянские церковные книги и выкидывают их вон из церкви. Старушку-гречанку даже, которой сама церковь обязана своим существованием, изгоняют из ее убогого уголка, за *потворство пан-*

славизму, как оказалось, и запирают двери церковные. Все это происходило прошлым летом после греко-болгарского разрыва.

Что же это было такое?

Пока жили тут только безграмотные русские женщины, эллинизм дремал. С появлением грамотной Магдалины, которая и понятия, разумеется, о политических интересах не имела и распевала в церкви, и читала часы и вечерню для спасения души, эллинизм слегка потревожился. Во всяком селе у греков есть какой-нибудь более или менее плачевный *даскал*, учитель, который всегда сумеет указать старшинам на опасность.

Но греки турецкие подданные все не то, что свободные *европейцы*! Явился таковой в лице греческого подданного, некоего купца Панайотаки, который занимался в этой стороне лесной торговлей. Он возбудил старшин ровяникских разрушить хижину и выбросить славянские книги и русские образа.

Подлому *европейцу* этому не поздоровилось, однако, через несколько дней. Нашлись греки иных убеждений.

Дня через два-три после победы над голод-

ной и больной панслависткой гордый *европеец* сидел в кофейне соседнего богатого села Ларигова и хвалился: «Так-то мы ее, эту скверную бабу, проучили; так их и надо всех, и русских, и болгар; особенно русских, они все болгар научают». В кофейне были и греки, и турки, сельские стражники. Все слушали молча. Только один заговорил. Это был эпирский грек в белой фустанелле, молодой человек, лет двадцати трех, атлетической наружности, щегольски одетый и с оружием за поясом. Он сидел, закутанный в бурку, в углу, потому что его в это время трясла лихорадка. Имя его было Сотир.

– Перестань ругать русских и эту бедную женщину; что она тебе сделала? – сказал грек-паликар греку-европейцу.

Тот встал.

– А ты кто такой, – воскликнул он, – чтобы меня учить?! Ты какой-нибудь турецкий райя, а я знаешь кто? Я свободный эллин!

– Не пугай меня, – отвечал ему паликар, – хоть у тебя и большие усы, а у меня их нет еще, а я тебя не боюсь. Я не хочу, чтобы при мне обижали русских; я ем русский хлеб и

русского имени позорить не дам.

Сотири служил слугой на ничтожном содержании у одного русского консула, который в это время был на Афоне.

– Черт побери и тебя, и Россию, и всех русских и всех турецких подданных!..

С этими словами он схватил стул и поднял его.

Тогда паликар встал, сбросил бурку и выстрелил ему в грудь в упор из пистолета. Пистолет осекся; паликар бросил его и выхватил ятаган. Жандармы-турки удержали Сотири за руку и стали уговаривать; он отдал им ятаган и, вырвав у европейца-грека стул, начал бить его так, что растерянный завоеватель, убегая, упал на пороге кофейни и едва ушел.

Турки, отняв у Сотири опасное оружие, успокоились и не без удовольствия смотрели, как он наказывал эллинского патриота, и только слегка уговаривали его. Турки, особенно простые, пока не возбудят в них религиозного фанатизма, к русским естественно расположены; к тому же они находили, что Сотири прав, ибо Панайотаки грубейшими словами разбил и всех турецких подданных, и

консула, у которого Сотири служил, и все правительство русское. Турки же любят, чтобы люди уважали начальство и чтили правительство.

Панайотаки ушел наконец... Сотири закричал ему вслед, «что дело их еще не кончено и что он убьет его...» Панайотаки рано утром уехал в Солунь, уверяя, что едет жаловаться; вероятно же, от страха.

Недели через две появилась в цареградских газетах такого рода корреспонденция:

Ларигово, такого-то числа, около села Ровяник... и т. д... «*Русские, желающие завладеть издавна церковью Панагии*, начали воздвигать себе жилища... и т. д... Жители села Ровяник, под руководством г. Панайотаки, негоцианта и т. п. Во время этого спора кавас русского консула, Сотири, выстрелил из пистолета в г. Панайотаки; но русские, благодаря дружным усилиям, принуждены были, наконец, уступить... Воздадим должную честь и т. д...»

Вскоре после этого мне пришлось и самому проезжать через Ровяник. Ко мне пришел один из священников села и сказал мне, что сельские люди поручили ему просить меня,

чтобы я защитил их перед русским консулом, г. Якубовским, если он будет преследовать село за обиды, учиненные Магдалине; ибо все это дело греческого подданного Панайотаки и пяти или шести старшин, от злоупотреблений которых терпят иногда и сами селяне. «Мы люди небогатые и смотрим только, как бы нам спокойнее прожить, как прокормиться. Чем нам помешала эта бедная монахиня? Пускай себе живет и молится. Но эти богатые люди, старшины, сильнее нас!» Так говорили и иные из селян слугам моим, помимо священника. Они удивлялись и греху, который позволил себе Панайотаки, бросая книги.

Магдалина ходила к лариговскому епископу и прежде еще не раз просила у него помощи; епископ очень соболезновал и хвалил ее усердие, и утешал, и обещал, но ни в чем никогда не помог и не защитил против ровяникских старшин, которые, однако, состоят в его ведении по церковным делам.

В этой истории есть решительно все, что в более широких размерах видим и в нынешних афонских делах, и в греко-русских отношениях вообще, после объявления схизмы,

или после того, как греки вообразили, что русские и болгары – непременно одно и то же и действуют по уговору. Тут есть все, что нужно для наглядного изображения нынешних дел на Востоке, и особенно на Афоне. Есть богомольные, простейшие русские души, едва ли умеющие отличить болгарина от грека, люди, не знающие даже, о чем идет дело; есть греческие сердца столь же простые и честные, подобные старой монахине-гречанке, священнику, который пришел передавать мне об огорчении и беспокойстве большинства селян, иеромонаху афонскому греку, который так жалел Магдалину и заботился об ее нуждах; есть неверующий патриот Панайотакис, хам, трус, негоциант, который кощунственно выбрасывает даже образа и молитвенные книги; есть глупые и алчные старшины, которых он увлек угрозой, что русские после завладеют этим лесом и церковью. Есть Сотири, который помнит русский хлеб и подвергает из-за русских себя величайшей ответственности, есть хитрый и осторожный пре-лат греческий, который как будто ласкает Магдалину, но, вероятно, поддерживают стар-

шин в их подозрениях; есть, наконец, нерешительная толпа селян греческих, которые не принимают участия в разорении хижины, но и не решаются помешать старшинам, а подсылают потом ко мне священника сказать, что виноваты только пять-шесть человек и чтобы я заступился за село в русском консульстве в Солуни, если консул за это будет преследовать...

Несчастье в том, что в делах греко-славянских *теперь слышны только громкие голоса разных Панайотаки, алчных старшин и хитрых, осторожных прелатов...*

Но, зная греков коротко, я могу уверить, что и теперь между ними много и таких, как Сотири, как добрый иеромонах, как гречанка-монашенка...

Что касается *нерешительной толпы селян...* то прекрасное, породистое, храброе население бесчисленных островов Эгейского и Средиземного морей еще свежо и не успело извратить в себе православных чувств. Еще искренни и просты, в хорошем смысле этого слова, толпы молодцов эпиров и фессалийских селян; на Афоне, вероятно, и в других ме-

стах есть сотни и сотни монахов греков, которые подобны доброй и честной монашенке, защищавшей Магдалину.

Все это люди, которые большей частью и не поняли еще хорошо, о чем идет речь...

Есть между греками даже учителя (я знаю нескольких), которые теперь лишились своих должностей за умеренность своих мнений, благодаря интригам людей, подобных опозоренному европейцу и завоевателю Панайотакиса...

Нет причины думать, чтобы греческие толпы были навеки в руках этих последних и что они никогда не перейдут в руки добросовестных учителей или благородных головорезов вроде Сотириса, или добрых пастырей, подобных афонскому иеромонаху, помнящему о нуждах набожной Магдалины...

Рассказывая всю эту небольшую историю, я полагаю, что она живее всякого сухого перечня главных событий изобразит именно то состояние дел и умов на Афоне и вне его, о котором я буду говорить дальше. Сходства много.

Хотя очень трудно проследить начало и

первые причины того гонения, которое чуть-чуть было не подняли греки на русских афоццев, однако несомненно то, что первые признаки этого гонения появились прошедшей зимой в греческой цареградской газете «Неологос» вскоре после той неканонической литургии, которую отслужили болгары в Богоявление, 6 января. Гнев, охвативший тогда всю греческую нацию, искал лишь повода и пищи.

Повод, как всегда в этих случаях бывает, явился немедленно.

Есть на Афоне греческий монастырь свв. Павла и Георгия. Он не богат и не слишком беден и, между прочим, имеет земли в Бессарабии. Братия этого монастыря, ведущая строгую киновияльную жизнь, была давно недовольна своим игуменом за то, что он не жил в монастыре, и если возвращался на Афон, то каждый раз ненадолго и проживал в Константинополе монастырские доходы, под предлогом разных хлопот по делам.

Братия говорила: «Если ты игумен – живи здесь и начальствуй над нами; если ты хочешь жить на стороне – мы можем избрать

тебя в *эпитропы* (поверенные для дел), и тогда уезжай. Игуменом же ты больше быть над нами не можешь».

Игумен прибег к защите патриарха. Патриарх прислал на Афон от себя экзарха, который, с помощью афонского Протата (синода) и одного незначительного турецкого чиновника из христиан, приступил к разбирательству этого дела. Святопавловские монахи, большей частью пылкие кефалониты, горячо отстаивали свое исконное право менять игуменов. Протат разделился. Представители значительного числа монастырей были в пользу братии святопавловской, им хотелось поддержать независимость Афона в его внутренних вопросах. Ивер, богатый и влиятельный Ватопед, болгарский Зограф и Руссик были в пользу святопавловской братии. Некоторые из беднейших греческих киновий перешли на сторону игумена и патриархии.

Борьба была продолжительна; святопавловская братия была решительно осаждена в своей обители. Монахи-кефалониты заперлись и не хотели пускать ни игумена, ни экзарха, ни турецкого чиновника. Одно время

слышно было, что патриарх потребует у Порты отряд войска для усмирения крамольных иноков. Но этот слух, конечно, был ложный.

Дело это, кажется, и теперь еще не совсем кончено. Но оно на одно время несколько утихло. После того как экзарх патриарший уехал с Афона, святопавловцы поставили на своем и выбрали себе игумена не из своей среды, но одного грека, который в последнее время жил в особой келье и когда-то принадлежал к числу братии греко-русского монастыря св. Пантелеймона.

Как нарочно, почти в то же самое время в смежном с русским монастырем греческом киновииальном монастыре Ксенофе скончался старый игумен, и ксенофские иноки, подобно святопавловским, предпочли избрать себе в игумены одного грека иеромонаха из того же монастыря св. Пантелеймона.

– Чем же виноваты русские, что греки, живущие с ними в одной обители, нравятся другим грекам? Мирских греков и некоторых полумирских монахов это возмущает; они говорят: «Это панславизм!»

Случились минувшей зимой и весной и

другие события на Афоне, которые в другое время прошли бы незамеченными, ибо они были совершенно случайны и вовсе незначительны; но в эту эпоху племенной борьбы они в глазах раздраженного мирского эллинизма приняли неестественные размеры.

Во-первых, надо сказать два слова о русском св. Андреевском ските.

Андреевский скит, как мы сказали во втором письме, построен на земле греческого монастыря Ватопеда и зависит от него. Он возник на месте большой кельи, в которой покоился патриарх Афанасий Лубский (могги его – в Лубнах, в России).

Стараниями игумена Феодорита и помощников его, иеромонахов Паисия и Дорофея, этот скит скоро разросся, и по объему своему, и по количеству населения превосходит, правда, многие греческие привилегированные монастыри. Один из посетителей Афона выразился про Андреевский скит так: «Здесь иноки живут в нестрогой киновии». Это до известной степени правда. Общежитие Андреевское менее строго не столько по уставу, сколько по обычаю, чем общежитие Панте-

леймоновской греко-русской обители; но эта разница служит на пользу людям набожным или желающим постричься на Святой Горе. Те, что сразу не в силах вынести суровый устав Руссика и некоторых греческих киновий, поступают в Андреевский скит. Тот же, кто ищет более трудной жизни, найдет и ее на Афоне.

Нынешний Вселенский патриарх Анфим занимал патриарший престол в то время, когда Серайская келья стала скитом; он, так сказать, открывал этот скит и всегда сохранял к нему особое расположение. Он не раз во времена удаления своего от патриаршего престола говаривал, как слышно, что непременно сделает что-нибудь для сераевцев, когда будет опять патриархом.

Прошедшей зимой он вспомнил свое обещание. Он прислал игумену Феодориту крест, архимандричью мантию и грамоту, в которой объявлял Андреевский скит ставропигиальным или патриаршим скитом. Отец Феодорит назван был в этой грамоте не *дикеем*, как обыкновенно на Афоне называют настоятелей зависимых скитов, а *игуменом* (титул,

присвоенный здесь лишь начальникам двадцати независимых монастырей).

Все эти знаки патриаршего благоволения к отцу Феодориту и его обители не освобождали, однако, Андреевский скит от его зависимости от Ватопеда. Ватопедское духовное начальство пред этим само незадолго сделало отца Феодорита архимандритом (прибавим, к большой радости св.-андреевской простодушной русской братии, которая сердечно утешалась, видя в митре своего доброго и умного пастыря), и все обошлось бы на этот раз в среде монахов дружески и братски, если бы опять не то же влияние фанатизированного и до ребячества подозрительного *мирского* эллинизма.

В константинопольских газетах началась тотчас же между самими греками по этому поводу полемика. Одна газета обзывала панславистами афонских греков за то, что они опираются на русское влияние, за то, что живут русскими подаяниями, за то, что многие из них расположены к России и поддаются *внушениям* русских духовников Пантелеймоновского монастыря, отцов Иеронима и Мака-

рия, размещающих будто бы по своей воле игуменов по греческим киновиям на Святой Горе (Ксеноф и св. Павел). Противники этой газеты, затронутые за живое, обращали против нее то же самое оружие и звали чуть не самого патриарха панславистом за то, между прочим, что он сделал Свято-Андреевский русский скит патриаршим и как будто бы пытался этим оскорбить начальствующий Ватопед, и за то, что он принял сторону афонской оппозиции в святопавловском деле.

Раздражение у греков росло, но преимущественно в городах, а на Афоне все это для большинства монахов, занятых молитвой, постом, богослужением, работой и мелким рукоделием, было незаметно и, прибавим, для многих... для очень многих, даже и неважно. Личные религиозные вопросы об отношениях нашего ума и сердца к Богу, Церкви и жизни занимают большинство афонцев, как и следует, гораздо больше, чем спор греков с югославянами за политическое преобладание в Турции или вопросы внешней церковной дисциплины, вроде отношения экзархата болгарского к патриархии Константинопольской.

Я был в это время на Афоне и глядел на это множество людей разных наций, простых или ученых, бедных и когда-то богатых в миру, которые столько молятся и трудятся, так мало спят, так много поют по ночам в церкви и постятся, – я думал часто, как оскорбительно должно быть многим из них это внедрение сухих политических страстей в их отшельническую жизнь!

К счастью, большинство этих людей, русские, греки и болгары, живут, по-прежнему, своей *особой афонской*, не русской, не греческой и не болгарской жизнью, и до них едва доходят отголоски этой борьбы, исполненной стольких клевет и несправедливостей.

Не ангелами во плоти я хочу представить монахов. О, нет! И у них есть свои интересы, свои ошибки, свои падения и страсти. Распри в обителях, расстройств в среде братии, восстания происходили в монастырях в самые цветущие времена христианства – во времена отцов православной Церкви; жития святых наполнены подобными событиями; даже такой монашеский наставник, как знаменитый Иоанн Лествичник, предполагает в монахе

возможность развития всех страстей и пороков, при нерадении или при самоуверенности.

Идеал монахов может быть и состоит в том, чтобы приблизиться к бесплотности и бесстрастию ангела; многие из них могут и достигать почти полного бесстрастия долгой борьбой, но большинство монашества всегда было и не может не быть лишь *колеблющимся и нетвердым резервом высшего подвижничества*. Без нерешительной толпы невозможны герои *аскетизма*, и если на Афоне, например, из 8000 иноков найдется тысячи 2–3 *очень хороших*, добрых и искренних, хотя и слабых иногда, и 500 людей высшего разряда, достигающих образцовой жизни в различных положениях, игумена, духовника, пустынножителя или хотя бы обыкновенного рабочего монаха в многолюдной обители, то Афон может быть признан достаточно исполняющим свое назначение. Он таков и есть. И если при этом случаются ссоры и несправедливости, то без них нет жизни духовной, нет испытаний, нет борьбы с дурными страстями. Я хотел всем этим сказать вот что: на Афоне всегда,

как и везде, могли быть раздоры, могли совершаться несправедливости и проступки, но все эти несогласия и раздоры имели до сих пор в виду не эллинизм, не болгарство, не руссизм, а те из временных интересов, которые прямо и непосредственно относятся к монашескому быту. Вопросы об избрании игумена более строгого или более мягкого, вопрос о насущном хлебе для братии, о воздвижении нового храма, о распоряжении кассой монастырской, о хранении древнего чина и устава... Вот предметы, которые могли и могут быть причинами распрей или борьбы между монахами, живущими не в пещерах или отдельных кельях, а в многолюдных общинах.

Самые дурные страсти, которые могут временно волновать монастыри и монахов, менее вредят *общему духу и общему строю* монашества, чем высокие принципы, если их вносят некстати в монашескую жизнь.

Что может быть лучше и благороднее патриотизма, и можно ли запретить человеку сочувствовать каким-либо успехам народа, из которого он вышел, любить свое отечество, оттого только, что он надел монашескую рясу

и дал искренний обет отречения? Невозможно! В этом чувстве и нет ничего дурного, пока оно не становится в противоречие с долгом монашеским.

Мы говорим о монашестве, но то же можно сказать и о христианстве вообще. Патриархия Константинопольская была вполне права, изобретая новый термин: *филетизм*, для обозначения столь вредной и неосторожной склонности нынешних людей вносить в дела религии племенные или политические интересы. Неправота патриархии, или, лучше сказать, тех мирских греков, которые слишком сильно влияли на дела, была не в осуждении *филетизма*, а в осуждении одних только болгар. Прежде болгар, и еще больше их, сами греки грешили всегда этим филетизмом; им давно хотелось погречить болгар Македонии и Фракии влиянием греческой литургии, греческой иерархии и т. п.

Болгарский филетизм, как сказал я в своих первых заметках «Панславизм и греки», есть филетизм оборонительный, а греческий – завоевательный, стремящийся перейти свои естественные, этнографические пределы.

Вносить сознательно и систематически племенные стремления в церковные дела – значит вредить и Церкви, и личным потребностям православия; значит осуждать самого себя на множество несправедливостей и заблуждений.

Недавно в Царьграде был тому поразительный пример. Один из сильных и влиятельных болгар, человек с состоянием и выгодным положением, некто Гавриил-эффенди Христаки, в начале разгара греко-болгарских дел был, естественно, на стороне своих одноплеменников. Но он – человек лично верующий, а не политик православия, как большинство архонтов и греческих, и болгарских в наше время. Жена у него гречанка, с которой он живет счастливо. Отверженный патриархией вместе с другими, он не был покоен; быть может, и жена уговаривала его, но кончилось тем, что он около Рождества явился к патриарху, пал ему в ноги и просил себе лично разрешения и причастия от Вселенского престола.

Кто же, имеющий сердце и ум, бросит камнем в этого человека?

Если его мучил духовный страх раскола – что ему было смотреть на других болгар? Они проживут и без него.

Со стороны болгарской, конечно, посыпались обвинения *в измене*, в предательстве, выдумали даже, что он это сделал, боясь отчего-то турок, – как будто турки входят в такие частные дела! Последнее обвинение, впрочем, сами болгары скоро бросили, поняв, что оно глупо.

А нам этот человек, в котором боролись два высоких чувства – племенной патриотизм и религиозность – и у которого победило чувство не современное, не модное, *на Востоке в высших классах* вдобавок гораздо менее идеальное и менее распространенное, чем у нас в высшем обществе, – нам этот человек, не побоявшийся клевет и насмешек, внушает уважение.

В «*Courrier d'Orient*», почти настолько же пристрастном к болгарам, насколько «*Phare du Vosphore*», например, пристрастен к грекам, появилась недавно по этому поводу следующая корреспонденция:

«*Nous lisons dans le numéro d'aujourd'hui du*

journal bulgare „Turtzia“:

«Ces jours derniers, nous avons reçu quelques lettres de l'intérieur dans lesquelles Gavril-effendi Christidis (Chrestovitch) est pris à partie. Ces lettres blâment sévèrement la démarche qu'il a faite en dernier lieu auprès du patriarche grec. Nous n'avons pas cru devoir publier les lettres en question, d'abord parce que nous n'attachons aucune importance à l'acte inqualifiable de Gavril-effendi et ensuite parce que nous savions qu'il était capable d'une telle démarche. Nous dirons seulement que, il y a deux ans (voir la „Turtzia“ sixième année numeros 11, 12, 13 et 14), nous avons émis quelques doutes *sur le patriotisme* de cette personne et nous regrettons vivement que notre voix n'ait pas été écoutée à cette époque»[3],

Видите, все дело в *патриотизме*, в *болгарской* идее; до *православных* чувств никому и дела нет.

Болгары в этом деле не чище греков с точки зрения церковной. Дух один и тот же.

В самом начале борьбы болгары были правее, конечно; они просили себе независимой иерархии и славянской литургии. Греки отка-

зывали; они были не правы. Болгары, рассви-
репев, совершили решительный шаг 6 января
прошедшего года. В свою очередь они посту-
пили не православно. Не по-христиански по-
ступили и греки, вынудив свою патриархию
объявить раскол[4].

И крайние болгары, и красные греки по-
том обрадовались этому расколу одинаково.
Первые вздохнули, что оторвали, наконец,
свою народность от эллинского влияния. Вто-
рые восхитились той мыслью, что раскол, от-
речение от всякого родства со славянами
склонит в их сторону Запад и особенно *будто*
бы навек уже (sic!) всемогущую Германию. Те-
перь же и различить уже невозможно, кто
прав и кто виноват в этой ожесточенной
свалке.

Конечно, если б и со стороны болгар, и со
стороны греков мирских, влиявших на то и
другое духовенство, было больше людей по-
добных Гавриилу-эффенди, то разрыв не про-
изошел бы так грубо и свирепо. Само духовен-
ство на Востоке может иметь свои *нравствен-*
ные пороки, но грешить, так сказать, *догма-*
тически или *канонически* оно остереглось бы

скорее влиятельных мирян. Греческих епископов обвиняли иные в том, что они ищут удержаться болгар за собою из личного сребролюбия, ибо эта паства приносила Церкви доход. Это не нравственно, конечно, если это правда, но это менее грех против Церкви, против основ православия, чем то решительное проклятие и восторженное объявление схизмы, которое мы видели со стороны греков прошлой зимой. Точно так же и с болгарской стороны. Известно, что болгарин Словейков, воспитанный во Франции, и другие ему подобные набрали и подбили целую толпу болгарских лавочников, конюхов, слуг и подобных людей, чтобы застращать епископов Панарета, Илариона и других, не решившихся служить 6 января прошлого года литургию, вопреки патриарху.

Один греческий архиерей, говоря со мною, еще два года тому назад, о греко-болгарских делах, сказал мне вот что:

– Болгары, в числе своих жалоб на наше духовенство, приводили, между прочим, грубое, жестокое обращение прежних архиереев со своей паствой, их вымогательства и т. п. В

этом много правды, но поверьте, что старики эти нисколько и не думали о племенном притеснении. Они делали то же самое и в Эпире, и в Крите, и в других греческих землях. Это была всеобщая жестокость нравов, это было отсутствие хорошего нравственного воспитания, а не тирания национальная. Были всегда между высшим духовенством и люди славянского племени, и они тогда делали то же.

И это совершенная правда. Несмотря на то, за последний десяток лет явилось почти повсеместно новое поколение греческих епископов, ученых, благовоспитанных, нередко обученных философии и богословским наукам в Германии, но есть еще много и старых архиереев. Сам патриарх Анфим, конечно, из этих старых, и потому мы не ошибаемся, думая, что если бы прежний лично грубый, но менее национальный дух имел перевес в делах патриархии и экзархии, то дела приняли бы иные, более мягкие формы.

Если бы между греками и болгарами было несколько более таких людей, как Гаврил-эффенди, вскормленных в духе личного православия, и поменьше таких, как плохой

поэт Словейков, воспитанный в Париже, разделение произошло бы постепенно, без разрыва и раскола.

Старое, жесткое, но догматически и серьезно верующее поколение восточных христиан больше побоялось бы взять на душу свою этот грех церковного расторжения.

Всем этим, повторяю еще раз, я хотел сказать, что личные страсти, пороки, заблуждения, распри и несправедливости не могут так глубоко потрясти основы церковных принципов, *как принципы другие, очень высокие, быть может, но чуждые Церкви.*

Церковь признала святым Кирилла, епископа Александрийского, за его борьбу против несторианской ереси, имевшей высшие философские притязания, а история светская представляет нам его человеком страстным, даже жестоким в иных случаях.

Церковь в этом вполне последовательна, и уроков ее не надо забывать, если мы хотим быть в самом деле православными, а не какими-то воздушными, фантастически летающими и порхающими христианами, принимая французскую утилитарную гуманность и

немецкий сентиментализм за истинное христианство.

Повторяю это еще и еще раз, и желал бы повторять беспрестанно: не в личных проступках христиан, не в грубых вещественных побуждениях, не в корыстных распрях, даже не в преступлениях, которые могут иногда совершить и отличные люди под влиянием увлечений и соблазна, – гибель и вред православному принципу, а в *постепенном вырождении его* в другие принципы, например в принцип утилитарности экономической, как мы видим у столь многих социальных реформаторов, или в принцип политический, как мы видели это в греко-болгарском вопросе, или у католических священников в польских делах.

Грубые побуждения смягчаются, в преступлениях люди каются или бывают наказаны за них, караемы духовно, вещественно и граждански, временная и своекорыстная борьба утихает, уступая, при других условиях, лучшим влияниям, но *царящий* над всеми этими дурными и грубыми страстями чистый принцип остается нетронутым, и исправительная,

примиряющая сила его снова нисходит победоносно на отуманенных людей.

Принцип не убивается вещественной корыстью и временными страстями; только другой принцип может вступить в борьбу с ним и исказить или уничтожить его.

Люди не звери, и без принципов жить в обществе не могут. Как бы ни были они порочны, если не дадите им другого принципа, они возвратятся к старому и преклонятся пред ним, умоляя о прощении.

Если все, что я сказал, вполне приложимо ко *всей* Церкви, к Церкви, живущей в мире и с мирянами, в государстве и в тесной связи с его администрацией, не применимо ли это еще более к афонскому обществу монахов, которые избрали себе не деятельный в миру, а аскетический, молитвенный и созерцательный путь христианства?

Афонская Гора до тех пор будет горою святою, пока жители ее будут одинаково чужды болгаризму, эллинству, руссизму и каким бы то ни было племенным и другим отвлеченным и, быть может, бескорыстным стремлениям. Его бескорыстие, его идеализм должен

быть идеализмом только иноческим, личная доблесть *подвижничества*, молитвы и доброго общественного монашества.

К счастью, самая разнородность племен, его населяющих, с одной стороны, взаимно будет парализовать, кажется, всякую национальную исключительность. С другой стороны, присутствие над всем этим *без прибавления* в высшей степени (по этим делам) либеральной и беспристрастной турецкой власти также крайне спасительно для чистоты и широты афонского православия. Наконец и то, что я сказал еще прежде: большинство монахов афонских, какой бы нации они ни были, живут, слава Богу, не греческой, не русской, не болгарской, а особой, афонской жизнью... Это главное. Большинство это гораздо больше интересуется своим личным *сердечным* мистицизмом, или своими скромными вещественными нуждами, или внутренним управлением своего монастыря и скита, чем эллинским или болгарским патриотизмом.

Мы нашли подтверждение мысли нашей в статье, которую приписывают ученому и молодому сирскому епископу Ликургу, недавно

возвратившемуся в Грецию из поездки своей на Афон («Νεόλογος», константинопольская газета).

Автор этой статьи тоже говорит, что политическими вопросами на Афоне занимаются очень немногие монахи идиоритмов. Остальные к ним равнодушны. Из частных источников мы слышали, что преосвященный Ликург, будучи на Афоне, говорил и там об этом и *радовался* такой чистоте святогорского православия.

Из статьи «Неологоса» явствует, однако, нечто другое. Из нее оказывается, что преосвященный Ликург радуется, напротив того, существованию на Афоне ученых, богатых и независимых *проэстосов* в *идиоритмах*, ибо они имеют гораздо более досуга, силы и умения для *политической борьбы*, для *охранения векового наследия эллинов* от чуждых захватов.

Существованию этих *проэстосов* на Афоне рады и мы; это уже было сказано прежде; и рады мы почти по той же причине... Почти... а не совсем по той же! Нам бы нравилось, чтобы *проэстосы* занимались политикой лишь

для охранения *особого святогорского векового наследия* от всякого одностороннего влияния, болгарского, русского и греческого – одинаково. Всякое одностороннее влияние того или другого племени было бы крайне вредно для Афона.

Преосвященный Ликург (или спутник его, автор статьи) говорит, между прочим, что русские желали бы все афонские монастыри видеть *киновиями*, потому что в киновиях меньше досуга заниматься политикой, и при обращении всех своеобразных обитателей в общежительные Афон легче бы поддался русскому влиянию. Вопрос *какие русские?* Русские монахи на Афоне? Или духовное начальство в России? Или дипломатия русская?

Если это только *монахи* русские, то можно быть уверенным, что они нисколько не претендуют *национально* или государственно влиять на Афон. Они даже по многим причинам, которые нам ниже придется объяснить, имеют личные основания предпочитать здешние порядки иным сторонам великорусской администрации; влияния иные из них могут желать, быть может, духовного, лично-

го. Но это дело их совести, и до нации и государства не касается. Если же автор говорит о правительстве русском или о Святейшем Синоде, то и тут ошибка. В самой России теперь стараются все *идиоритмы* (штатные монастыри, кроме лавр) обратить в кинонии; об этом печаталось и в газетах. Я уже сказал выше, что мере этой вообще сочувствовать безусловно нельзя; она стеснительна и, при всем искреннем желании блага, может, мне кажется, посягнуть на внутреннюю свободу иноческого призвания. Но как бы то ни было, если мера эта принимается в *России*, то ясно, что в ней нет никакого *русского филетизма*, и если есть *политика*, то политика внутренняя и вместе с тем чисто *церковная*, а никак не *национальная* в смысле влияния на *других*. Об этой статье «Неологоса» мне придется, вероятно, упомянуть еще не раз.

Из тех событий на Афоне в течение прошлой зимы и весны, которые обратили на себя внимание и греческих газет, именно во время сильнейшего раздражения греко-болгарских страстей, я упомянул лишь о трех: о святопавловском деле, о патриаршей грамоте

отцу Феодориту, игумену русского Андреевского скита, и о небольшом эпизоде избрания ксенофского игумена из греческих иноков Руссика, который в другое время прошел бы совершенно незамеченным.

Надо здесь рассказать еще о двух обстоятельствах, раздраживших греков: о посещении Афона русскими консулами, битольским и солуньским, и о деле русского казачьего скита св. Илии, состоящего в зависимости от греческого монастыря Пантократор.

Имена этих двух консулов, особенно солуньского, беспрестанно являлись за последнее время в газетах. То один из этих консулов изображается пламенным панславистским писателем, тогда как у нас, в России, нет *ни одной* не только всеславянской, но и какой бы то ни было политической статьи или книги, подписанной его именем. То, располагая огромной какой-то суммой, он подкупил в пользу России все беднейшие греческие обители на Афоне. То он живет в Андреевском скиту, где ему помогают *десять русских монахов-писарей*, тогда как там очень трудно найти хоть одного свободного монаха для пере-

писки. То он послал куда-то статью, доказывающую, что весь Афон есть добыча русских. То он агент Каткова в Македонии.

То один консул (битольский) спешит к другому на Афон из Солуня, и оба они совещаются там о панславизме, тогда как нам здесь известно, что эти оба чиновника *на Афоне никогда вместе не были* и что солуньский консул лежал больной, почти умирающий в городе Кавалле, верстах в 150 или 200 от Афона, в то время когда битольский консул посетил один Святую Гору.

Мне, как русскому, живущему теперь в Царьграде, многое из этого всего известно коротко.

Мы все знаем вот что... Солуньский консул очень заболел и уехал на Афон не только не согласия посла, но даже вопреки его воле. Посол находил, что присутствие консула было *тогда* необходимо в Солуни как по количеству накопившихся тяжёбных дел у русско-подданных в том городе, так и по значительной стоимости счетных дел в консульской канцелярии; ибо через это консульство идут на Афон беспрестанные частные по-

жертвования на больных русских людей всякого звания и всякого состояния, от процентов, например, с капитала в 25 000 руб. сер., пожертвованного прошедшего года г-жой Киселевой, до каких-нибудь *трех рублей* отставного солдата или бедной крестьянки!

Солуньский консул, совершенно расстроенный болезнью и пользуясь тем, что Афон находится в округе его юрисдикции, уехал, *несмотря на запрещение посла.*

Посол, однако, имел снисходительность не тревожить более больного человека, во внимание к его прежним трудам по службе.

На Афоне не только русские, но и греки и болгары знают, что этот консул жил все время почти запершись, редко кого принимал и только просил ни *о каких делах*, ни политических, ни тяжёбных, с ним не говорить.

Вскоре после этого он получил отпуск, и г. Якубовский (битольский консул) заменил его в Солуни. В настоящее время он вышел, по болезни, в отставку.

На Востоке умы и сердца не заняты серьезно ничем, кроме политики и торговли, поэтому ни один мирской грек (или, пожалуй, и

болгарин) не может предположить, чтобы русский чиновник мог жить где-нибудь без цели государственной. Если прибавить к этому ту сухость и тот внутренний религиозный индифферентизм, который так свойствен современным единоверцам нашим на Востоке и при котором трудно понять, чтобы больной, знающий грамоту и даже европейские языки, мог в болезни предпочесть Афон Баден-Бадену или Швейцарии, то беспокойство, овладевшее не афонскими, а *внешними* людьми и газетами, станет более понятно и, пожалуй, даже и простительно, если не забывать, в какую эпоху все это так случайно совпало.

И прежние русские консулы из Солуня и соседней Битолии ездили на Афон, говели там, гостили, даже мирили спорившие между собою за земли монастыри, по их собственному желанию. Но вскоре после приезда нынешнего солуньского консула болгары отслужили 6 января свою болгарскую обедню в Царьграде – и все после этого озарилось в глазах *мирских* греков иным светом.

Теперь о деле скита св. пророка Илии.

Большинство ильинцев – придунайские

казаки (из потомков запорожцев), люди хотя и весьма простые и усердные к Церкви, но несколько по природе *республиканцы* или, по крайней мере, либералы.

У них тогда только что умер игумен, отец Паисий, из бессарабских болгар, человек, который умел держать их в порядке и вести дела скита, не раздражая пантократорских греков, которые чрезвычайно любили и уважали его.

После его смерти большинство братии, подстрекаемое тремя монахами, из коих один хотел, по-видимому, сам быть игуменом, отвергли завещание отца Паисия, духовно повелевшего им не избирать никого из среды своей, ибо нет достойного для управления, а искать на стороне, из других обителей или из пустынных келий. Были указаны и лица.

Меньшинство, более толковое, поддерживало завещание и хотело избрать одного из русских же иеромонахов, живущего в особой келье, в лесу.

Началась борьба. За меньшинство был ум, за большинство, конечно, вещественная сила. Греческий монастырь Пантократор, на земле

которого скит построен, поддерживал меньшинство и объявил прямо, что излюбленного братией зависимого скита отца Андрея (запорожца) он не допустит до игуменства. Произошел бунт. Приехал Протат в самый скит. Ильинцы, руководимые отцом Андреем, бушевали и грозили самому Протату. Солуньский консул в это время только что приехал больной на Афон. Вожди ильинской оппозиции прибегли к нему за помощью. Он напомнил им, что они находятся под властью турецкою и под начальством греческого Протата и что он может вмешаться лишь дружески, с согласия Протата. При этом сказал им: «Бог еще знает, кто правее: вы или греки». Протат принял посредничество консула, по-видимому, охотно. Консул заключил дело против простодушного большинства, против запорожца, отца Андрея, в пользу греков Пантократора и более толкового меньшинства, во главе которого стоял не менее отца Андрея упорный болгарин, давнишний казначей скита и друг покойного игумена. Консул, конечно, не позволял себе делать ничего официально и даже долго не хотел ехать сам в скит, бо-

ьясь оскорбить греков и турецкую власть. Он поехал, лишь когда греки прислали сказать ему, что с хохлами просто нет слада и придется чуть не войско просить. При консуле все кончилось тихо. Игумена провозгласили, и братия, повергшись ниц, выслушала разрешительную молитву архиерея: таков обычай после смут в обителях. Консул взял накануне слово с вождей оппозиции, что они переночуют в другой обители и предоставят братию его влиянию. Без них братия была безгласна, хотя никто бы не помешал ей опять и шуметь, и гнать всех вон – и архиерея, и игумена, и даже консула.

Ильинские вожди после говорили, что консул взял 2000 рублей с казначея-болгарина, чтобы действовать в пользу греков; греческие органы разузнали и об этом деле и сказали, что и *это панславизм в Македонии*. Разумеется, это вздор, что консул взял взятку, но все-таки оказалось, что простые и рассерженные хохлы-монахи как-то логичнее в своих клеветах, чем тоже рассерженные, но воспитанные *по-европейски* газетные греки в своих обвинениях.

Можно, пожалуй, осуждать солуньского консула вообще за то, что он вмешался в дело, которое не было его *неизбежною* обязанностью; пусть бы греки боролись с хохлами как знают! Войска турецкого все-таки и турки им не дали бы, ибо этому, как нарушению всех афонских древних прав, воспротивился бы сам греческий Протат.

Можно также находить, что он злоупотребил своим весом, чтобы произвести так называемое *нравственное давление* на русских в пользу греческого начальства.

Говорят, будто кто-то из русских поклонников на Афоне и укорял его за это, указывая на *права большинства*, и будто бы этот консул отвечал: «Если сами русские меня вмешали, я не виноват; я действовал по совести, и что ж мне делать, если *право умной силы я предпочитаю силе глупых прав!*»

Все это так; но где же тут *панславизм*?

Решено, теперь всё *панславизм!*

Греческий монастырь св. Пантелеймона беден, разорился до того, что у монахов, наконец, нет ни бобов, ни чечевицы, скоро не будет хлеба. Протат официально объявляет его

банкротом.

Игумен вспоминает про одного сурового и умного иеродиакона, русского, из Старого Оскола, который живет на Афоне у моря, в пустынной келье, и в безмолвии молится и разводит цветы. «Он принесет нам благословение», – говорят греки. Зовут его. Он соглашается. Сам он не так богат; но он мужествен, ума необычайного, он музыкант, он иконописец, он строитель, он богослов хороший, стал иеромонахом, он Церкви подвижник стал неутомимый, он исповедник тонкости и опыта редких.

Вслед за его поселением монастырь наполняется русскими, монастырь строится, богатеет, цветет; воздвигается собор в строгом греческом вкусе, обрабатываются запущенные хутора в окрестностях, вырастают снова пышные, порубленные от бедности леса; люди просвещенного общества (русские, конечно, ибо *просвещенные* греки никогда не ездят на Афон) находят отраду в его беседе и уезжают с Афона примиренные с монашеством.

Когда эти русские миряне чего-нибудь не понимают на Афоне и осуждают что-нибудь

византийское у греков, отец Иероним обличает их односторонность или слишком французское, модное понимание христианства, которое должно быть милостиво, но должно быть и грозно по духу самого Евангелия.

Русский светский человек уезжает, поняв лучше афонских греков и ценя их древнюю суровость.

Что же это такое? Это панславизм.

Приезжает на Афон, на поклонение, богатый купеческий сын; он и дома был мистик и колебался давно, что предпочесть: клубук и рясу или балы, театры, трактиры, торговлю и красивую добрую жену? Он заболел на Афоне; он умоляет грека-игумена и русского духовника постричь его хоть перед смертью. Игумен и духовник колеблются, добросовестность их опасается обвинения в иезуитизме... Молодой человек в отчаянии, положение его хуже, жизнь его в опасности... Он опять просит. Его, наконец, постригают. Он выздоравливает, он иеродиакон, иеромонах, архимандрит; он служит каждый день литургию, он исповедует с утра до вечера, он везде – у всеобщей, на муле, на горах, на лодке в бурную

погоду; он спит *по три* часа в сутки, он беспрестанно в лихорадке, он в трапезе каждый день ест самые плохие постные блюда, он, которого отец и братья миллионеры; его доброту, ум и щедрость выхваляют даже недруги его, греки советуются с ним, идут к нему за помощью... Иные, напротив того, чем-нибудь на него раздосадованные, говорят: *всё он с греками, всё он за греков...*

Что это значит? Панславизм!

Молодой офицер еще на скамье кадетской мечтал о монашестве; он бежал из корпуса в один монастырь – его вернули и наказали. Он кончил курс ученья, сражался в Севастополе, по окончании войны постригся. Но под Москвой ему кажется слишком много развлечений. Он еще молод и цветет здоровьем... Он бежит в Турцию, на Афон...

Как? Офицер?! Офицер, который даже знает по-французски? Нет! он не может верить; он атеист! Он панславист!

Старый извозчик, тамбовский зажиточный троечник, молотит себе овес и гречиху, обмеривает, по собственному признанию, народ, живет уже вдовый в свое удовольствие,

но у него есть сын молодой.

– Батюшка, брось гречиху, слышь, глас Божий к обедне зовет.

– Ах ты такой сякой, а гречиха не *глас*? Вот я тебя!..

– Батюшка, батюшка, не обмеривай людей овсом... Грех великий! Пойдем на Афон, пострижемся вместе.

– Не хочу я в монахи.

– Батюшка, выпей водки, – говорит сын.

– Давай.

– Ну, теперь вот к тебе поп наш пришел сельский, выпей и с ним для праздника... Теперь, батюшка, я хочу звать тебя на Афон только на поклонение.

– Пойдем.

– А ты, батюшка, поклянись на образе.

Ямщик клянется. На другой день он трезвее и вздыхает. Но уж поздно: клятва дана. Он теперь монах на Афоне, любимый всеми, добрый, честный старец, все такой же простой и безграмотный, но, несмотря на свои восемьдесят лет, неутомимый работник и пчеловод на живописном, очаровательном пчельнике, осеменном душистыми соснами и покрытом

розовым вереском, с которого пчела берет мед...

Видите! Русский пчел разводит на Святой Горе, может быть, по русской методе... Он панславист! А сын его? Сын, почти обманом сма- нивший его сюда, о! сын его, конечно, агент Игнатьева, Фадеева, Каткова...

Уважают греки русских духовников? Панславизм.

Берут греки других монастырей из грече- ских иноков Руссика, живущих дружно с рус- скими, игумена? Панславизм.

Берут скитские андреевцы в свою русскую среду одного грека-монаха, ученого, чтобы учить русскую молодежь свою по-гречески... Какова хитрость! Каков панславизм!

Богат Зограф болгарский?

Панславизм, – потому что болгары и рус- ские одно и то же.

Богат Ватопед греческий?

Панславизм, – потому что имения его в России.

Бедны греческие монастыри Ксеноф, Си- мо-Петр, Эсфигмен, – *опасно*; их подкупают.

Волнуются запорожцы? Бунт! Интрига!

Панславизм!

Покорны русские монахи грекам: «А! Политика покорности, мы это знаем, интрига, панславизм».

Помог русский консул грекам: дурно сделал. Зачем вмешался?

Не помог – еще хуже. «Видите, и права греков не хотят поддержать!»

Болен русский консул... Он почти ничего не ест, говорят люди; слухи ходят даже, что он хочет постричься.

Вздор! Больной человек, воспитанный по-европейски, как все эти проклятые русские чиновники, не смеет болеть на Афоне; для этого есть воды всеспасительной Германии... Возможно ли верить, что ему приятно с монахами? Что за скука! Мы, эллины, вот тоже европейцы, однако никогда туда не ездим, хотя от нас Афон и ближе. Кто ж нынче уважает монашество? Кто же верит в мощи, благодать, чудеса, в исповедь и покаяние?..

О, бедные, бедные греки! О, прекрасное население греческих гор, островов Эгейских, увенчанных оливами, и ты, мой живописный и суровый, до сих пор еще полугомерический

Эпир, в молодецкой феске и белой одежде!
Как мне вас жаль! Итак, для того лилась ко-
гда-то кровь стольких красавцев-паликар,
чтобы над ними воцарились *нынешние* греки
мира сего...

Нет! Никакой деспотизм, никакая инозем-
ная власть, никакое иго не может так иска-
зить человека, как исказит его авторитет
недоученных риторов и продажных паяцов
газетной клеветы!

Главная цель некоторых греческих газет одна – внушить как можно более подозрений туркам, уверить их всеми средствами, что болгары и русские одно и то же и что они самые опасные враги и Турции, и Эллады. Я сказал: *всеми средствами...* Не все, конечно, редакции таковы. Есть органы подозрительные и, при всем том, однако, разумно патриотические.

Но в Царьграде издается теперь одна газета, которой имя «Phare du Vosphore». Издается она на французском языке, но в каком-то особенно германо-греческом духе и отличается чрезвычайным бесстыдством своих клевет и искажений.

Недавно в четырех довольно длинных и недурно написанных статьях, под заглавием «Русские на Афоне» газета эта представила Святую Гору совершенно преданною в руки славян.

В первой статье перечисляются разные меры, принимаемые каким-то панславистским комитетом России для скорейшей славиза-

ции Афона и для усиления прилива русских поклонников на Восток.

Во второй изображаются успехи русской колонизации на Афоне с 1818 года и до сих пор.

Третья статья трактует о высших политических целях России во Фракии, Македонии и вообще на Балканском полуострове, указывая на то, что Россия отказалась от *боевого* завоевания Турции только для того, чтобы медленнее, но гораздо вернее достичь своей цели посредством *славизации* Фракии и Македонии... Как будто эти страны и без того почти не вполне болгарские, то есть не славянские! Если бы Россия искала и имела возможность сделать болгар вполне русскими по чувствам, интересам и быту, тогда подобные нападки еще имели бы смысл; но болгары преследуют свои болгарские, а вовсе не русские цели, и теперь именно настает период их новой истории, когда, отделавшись от греков, они начнут более и более выяснять свои отдельные болгарские цели, которые, быть может, очень разочаруют тех писателей и ораторов русских, которые неопределенными и общими

фразами «о сочувствии славянам» и тому подобными неполитическими нежностями сбивают с толку общественное мнение России, раздражают и без того огорченных греков и, внушая неуместные подозрения туркам, вредят не только русским интересам на Востоке, но и самим болгарам. Болгары, поверьте, отлично бы устроились в Турецкой империи без этого непрошеного сердобольного братского нытья.

Наконец, в своей 4-й статье «Phare du Vosphore» печатает отрывки из какого-то донесения или частного письма одного «панславистского агента в Македонии», из которых явствует, что Афон должен скоро обрусеть, и, наконец, указывает, какие именно грозные и энергические меры должны принять правительство оттоманское и Вселенская патриархия для пресечения этого зла.

Оставляя без особого внимания первую и третью статьи «Фара», которые наполнены общими местами и декламациями против панславизма на Балканском полуострове, разберем повнимательнее две другие: прежде вторую, изобилующую самую бесстыдную

клеветой, а потом четвертую, предлагающую Порте и патриархии самые глупые, хотя и грозные меры против русских и болгар на Афоне.

Теперь, – говорит автор второй статьи, – мы разберем успехи русской колонизации на Святой Горе с 1818 года.

«Русские монахи обладают ныне следующими обителями:

1. *Монастырь святого Пантелеймона, населенный исключительно русскими*».

Ложь! На 500 человек братии греков около 150; игумен грек и представитель в Протате грек.

«2. *Зограф* (болгарский монастырь), коего игумен, отец Климент (*M. Climis!*), недавно объехал всю Македонию, возбуждая болгарское население против Вселенской патриархии, и дал 500 ливров вспоможения болгарской общине Константинополя».

Двойная ложь! Во-первых, отец Климент по всей Македонии не ездил, а ездил, говорят знающие люди, только по хозяйству в монастырские свои имения. Об его отношении к патриархии я не могу ничего сказать; давал

ли он деньги константинопольским болгарам, тоже не могу ни утверждать, ни отрицать, но я слышал вот что из верных источников. Прошедшею зимою болгарское училище в Солуни надеялось приобрести от Зографа около 500 турецких лир на покупку земли под церковь и школу. Зограф отказал, говоря, что не будет больше помогать болгарам, пока они не помирятся с патриархом. Может быть, с тех пор и зографские болгары увлеклись племенными чувствами... Этого я не знаю.

А во-вторых, что же общего между болгарским Зографом и русскими монахами? Русские до того *не обладают* Зографом, что зографские болгары вытеснили мало-помалу из своего монастыря всех русских и полурусских бессарабских болгар. Остались только три-четыре человека из крайне безответных или уж очень нужных монастырю по письмоводству и хозяйственным делам.

Вообще замечательно, что русские с греками и греки с русскими уживаются легче в афонских обителях, чем, например, русские с болгарами, болгары с греками, чем даже великороссы с малороссами или греки мало-

азийские с греками Эллады и островов.

Тут нет никакого сознательного *систематического филетизма*, тут есть некоторая *физиологическая* несовместимость личных характеров или исторических привычек. Греки горды и самолюбивы, русские уступчивее и уклончивее; при столкновениях русские монахи смиряются, и греки, поняв это, скоро каются. Болгары же превосходят упорством и способностью пассивной оппозиции все другие племена Востока. «С ними, – говорят русские, – гораздо труднее иметь дело, чем с греками. Грек быстрее, он все скоро поймет, и худое и хорошее, и можно с ним стовориться; с болгаринном, если он недоволен, почти уже никакого слада». Так точно демагогический дух казаков и паликарство эллинских греков плохо уживаются с неограниченною властью игуменов и духовников, которым так охотно подчиняются и великороссы, и малоазийские или фракийские греки.

Что же тут общего между зографскими болгарями и русскими?

Третья русская добыча, Хилендарь (тоже болгарский), был до того не добыча русских,

что ни за какую сумму не хочет позволить Русско-Андреевскому скиту, совершенно безземельному, взять небольшой клочок земли с одною келией на склоне горы, по соседству скита. Андреевцы дают за этот клочок около 6000 рублей, но хилендарские болгары не уступили даже ходатайству самого генерала Игнатьева, который просил их об этом, в бытность свою на Афоне, несколько лет тому назад. Кажется, это много значит; вес генерала Игнатьева, представляющего Россию и лично весьма влиятельного, всем здесь известен. Но болгары, я сказал уже, упорнее всех восточных и славянских племен и русским поддаваться вовсе не любят.

Четвертая добыча: «монастырь св. Илии», – говорит автор. Эта обитель, правда, населена почти исключительно русскими из Добруджи, но это не монастырь, а *безгласный скит*, зависимый от греческого монастыря *Пантократор*, который хоть и беден, как справедливо говорит автор, но *строг*, как то мы видели в деле избрания ильинского игумена.

Пятая добыча: скит св. Андрея. Это, мы уже

знаем, совсем русский скит, и в нем, действительно, около 200 монахов. Но и он есть зависимый от Ватопеда *скит*, а не *монастырь*.

К тому же все, что говорит автор о времени его постройки, о происхождении его названия *Серай*, о времени, когда ватопедский монастырь разрешил серайской патриаршей келье *повыситься* в звание скита, – все это вздор, незнание и ложь. История совсем не та. Разрешение стать этой келье скитом выхлопотал от Ватопеда не великий князь Алексей, а А.Н. Муравьев, гораздо раньше. Великий князь положил камень будущего собора, на постройку которого андreeвцы до сих пор не имеют средств. (Вот как искажает все это бесстыжая публицистика! Бесстыдство и ложь по тенденции во всех странах нынче сделались до того обычными, что никто уже и не оскорбляется ими... За что же нападать на иезуитов после этого?.. Разве за то, что они *другого направления*?)

Что касается шестой и седьмой обителей, попавших в руки русским, то надо только удивиться, до чего люди решаются печатно лгать.

Шестая добыча есть какой-то монастырь Богородица около лавры св. Афанасия, в нем теперь 180 русских монахов и т. д.

Но монастыря Богородица вовсе нет на Афоне. Тут смешаны, вероятно, две совершенно различные и отдельные вещи: 1) скит Богородицы Ксилургу, населенный болгарами, а не русскими, и построенный на земле греко-русского монастыря св. Пантелеймона и зависимый от него, и 2) келья св. Артемия, в которой живет 15–18 русских монахов. Эта келья стоит на земле греческой лавры св. Афанасия и зависит от ее начальства. Между тем скитом и этой кельей, по крайней мере, 12 часов (то есть 60 верст) самого тяжелого горного пути. А у редактора «Фара» они географически слились воедино, почти так, как все болгары исторически и психически слились воедино с русскими, чего ни те, ни другие вовсе, быть может, не желают.

Седьмая добыча – это чисто греческий Ксеноф, который признан русским лишь за то, что осмелился избрать игуменом грека из братии Руссика! Автор, уж вовсе не стесняясь, называет его просто русским.

Остальная половина второй статьи наполнена известиями о похищениях библиотек, об отнятии земель у греков, об *особом* флаге, черном с белым крестом, который развевается на трех кораблях русского монастыря, и т. д.; о типографиях, наконец, будто бы открытых и в Руссике, и в Андреевском скиту, *даже об арсеналах...* Утомительно и скверно!

Русские монахи грабят греческих монахов, отнимают у них землю! Пусть спросят у самих греческих монахов, правда ли это?

Руссик, например, как слышно, имеет документы на часть соседней ему ксенофской земли... Однако он и не думает начинать тяжбу... Руссик славится на Афоне тем, что *избегает всяких тяжб за землю*, несмотря на то, что у него нет ни в Турции, ни в России доходных имений, и что если он и цветет, то лишь вкладами своих монахов и приношениями небогатых людей из России.

Типографий, разумеется, никаких нет. Руссик и Андреевский скит издают иногда книги духовного содержания, но они печатают и издают их в России. Это всем известно, и о политике в этих изданиях обыкновенно ни слова.

Флаг черный с белым крестом принадлежит всем афонским судам: это их старая привилегия. Если паша солуньский велел поднять красный турецкий флаг на корабле св. Пантелеймона, то это ничего: один флаг – частный афонский, а другой – общий флаг империи... Но если паша серьезно думал, что это особый флаг монастыря Руссика, как утверждает (я думаю, притворно) «Фар», то очень стыдно ему не знать условий и обычаев страны, которая ему вверена султаном.

Но, я думаю, «Фар» все врет.

Что сказать теперь о самом ужасном обвинении – об *арсенале*, который намеревается приобрести Андреевский скит?

Ни в чем, как в выборе этого слова *арсенал*, так не видна бешеная злоба редакции «Фара»... Это уже не греческий племенной фанатизм; это какое-то *личное* исступление. Не так пишут благородные греческие патриоты. Не так говорит, например, об Афоне статья «Неологоса», статья, однако, патриотическая, которую приписывают преосвященному Ликургу Сирскому... Здесь есть *нечто иное*... И к счастью, многие разумные греки знают хорошо

цену мнениям и доводам «Фара».

Дело вот в чем. В старину, когда Афон подвергался набегам пиратов, у иных монастырей, построенных у моря, вблизи пристаней их воздвигались высокие башни для защиты пристани и для наблюдения за морем. Тогда эти башни и пристани звались *арсеналами*, или по-афонски *арсана*. Теперь эти башни имеют простое хозяйственное значение, и многие пристани вовсе и не имеют их; но привычное название *арсана* перешло и к русским.

Свято-Андреевский скит желал, как слышно, купить у одного греческого монастыря подобную простую пристань для своих небольших судов, которые снабжают его провизией из России. Но невинная пристань эта обратилась под пером нашего автора, обуреваемого яростью, в грозный арсенал.

В 4-й статье «Фара» предлагаются Порте и патриархии различные радикальные против панславизма меры.

Разберем каждую из этих мер особо.

4. Чтобы Порта вознаградила афонские греческие монастыри значительной суммой

денег или поземельною собственностью за утраты, которые они понесли в Молдо-Валахии через конфискацию их имений Кузою. Эта мера обеспечила бы их и сделала бы менее зависимыми от русских.

Эта мера прекрасная, и дай Бог, чтобы Порты сделала это для бедных афонских обителей. Все, что дает поддержку православию, хотя бы и вещественную, не может не радовать добрых христиан какой бы то ни было нации. Что касается русского правительства, то всем известно, что оно *вместе с Портой* защищало несколько лет подряд права греческих монастырей в Румынии на эти так называемые «преклоненные» имения. Значит, Россия не боится обогащения греческих обителей. Но как распределить между обителями эту огромную сумму, которую турецкое правительство должно пожертвовать, несмотря на все другие, крайне настоятельные нужды свои, для противодействия весьма сомнительному обрусению Афона? Ватопеду, Иверу, Ксиропотаму, Зографу давать незачем; они и без того не бедны, и надо дать, например, Ватопеду, по крайней мере, 150 000 руб. годового

дохода, чтоб он сам *согласился отказаться* от своих бессарабских имений и таким образом отвергнуть всякую вещественную связь с Россией.

Значит, чтобы достичь цели, надо разом обогатить все беднейшие обители афонские, надо, чтобы Григориат, Симо-Петр, Эсфигмен и другие киновии получали, по крайней мере, по 20–25 тыс. руб. ежегодного дохода (около 3–4 тыс. турецких золотых лир).

Но и тогда они едва ли будут отказываться от добровольных русских приношений и вкладов.

Каждый отдельно взятый монах в киновии или в пещере может быть *бессребреником*, но обитель *не имеет права* лишать людей возможности *приносить жертвы*, если это им отраднo и утешительно. Иной больной человек, или считающий себя многогрешным, придет в отчаяние и сочтет, пожалуй, себя проклятым, если б обитель, на которую он захотел бы пожертвовать, отинула его лепту.

К тому же одинаковое, равномерное распределение вещественных средств испортило

бы, вероятно, Афон.

Афон, в том виде, какой он теперь, именно тем и хорош, что в нем на небольшом пространстве сосредоточено множество различных форм и оттенков монашеской жизни.

От жизни отшельника в неприступной пещере до жизни проэстоса, обитающего в десяти комнатах с шестью послушниками, – множество оттенков.

Жизнь греков и болгар в малых кельях и каливах (хижинах) отличается несколько от жизни русских в подобных же жилищах. Есть общежития очень суровые, есть общежития не строгие; есть общежития богатые и есть общежития бедные; идиоритмы богатые и бедные; есть скиты (два русских и один румынский) общежительные, построенные корпусами наподобие монастырей; есть скиты своеобразные, которые, не зная Афона, вы примете издали за небольшие села в лесу или на горе: всякий живет в особом домике, но очень сурово (такие скиты все греческие, хотя и в них есть русские и болгары).

Заметим еще вот что:

Выше я говорил, что одна из главных *ре-*

альных сил, привлекающих на Святую Гору поклонников и приношения их, есть сила высшего *аскетизма* и что самые строгие отшельники и представители этого *аскетизма* суть греки и болгары (прежнего греческого воспитания, греческого духа).

Эти свойства строгого *аскетизма* принадлежат, впрочем, не одним пустынножителем Афона, в жилища коих и проникнуть очень трудно и проникают немногие; они принадлежат также большинству греческих кинувий (имена их перечислены были прежде).

Суровый образ жизни этих общежитий – пост, долгие ночные бдения, холодные кельи, в которых большею частью нет ничего, кроме икон, рогожки на полу и какого-нибудь гвоздя, чтобы повесить толстую рясу, – все это внушает сильное уважение и русскому, пришедшему издалека, и греческому соседнему простолюдину, посетившему Афон. Если набожному и чем-нибудь огорченному русскому поклоннику вид этой строгости внушает охоту остаться на Святой Горе, точно так же действует этот вид и на верующего грека.

Вообще же поклонник и желающий по-

стричься имеет на Афоне обширный выбор и богатый запас примеров и поучений.

Если бы все обитатели были одинаково бедны или одинаково умеренно богаты, если бы все были киновии или все идиоритмы, если бы населен был Афон только русскими или только греками, – было бы хуже: Афон упал бы и, может быть, запустел бы. Развилось бы какое-нибудь исключительное вмешательство, педантство, односторонность, искусственность. Не было бы уже той жизни, того духовного разнообразия, того богатого развития, тех антитез, тех взаимных возбуждений и примеров, которые теперь придают столько нравственной силы афонской жизни.

Греки и болгары схожи в том, например, что они и к себе, и к другим суровее русских, особенно телесно; русские зато добрее, милосерднее греков и болгар.

Греки и болгары крепче – они более *выносят*; русские мягче – они легче *милуют*.

Русский поклонник хвалит греков и болгар за их аскетизм.

Греческий и болгарский мирской простолюдин любит русских монахов за их доброту.

Таким образом, восточные христиане и наши русские, взаимно дополняя здесь друг друга, развивают успешно обе главные основы христианского учения – *аскетизм* и *милосердие*.

Однообразие Афона, даже в денежном отношении, повлияло бы дурно на Православный мир.

Далее, говорит автор: «Порта и патриархия должны немедленно приступить к полному изгнанию всех русских с Афона».

Относительно этого изгнания (*expulsion pure et simple*) русских монахов с Афона следует сказать вот что: может быть, иным *чисто* политическим грекам приятна была бы *полная* эллинизация Афона, но этому есть много препятствий.

Во-первых, сама нынешняя патриархия, проклявшая *филетизм*, не может, оставаясь верною себе, гнать с Афона русских монахов за то только, что они русские.

Во-вторых, общественное монашеское мнение Афона глубоко возмутилось бы этим. Русские монахи в среде афонских греков очень любимы за свое добродушие, простоту, уступчивость и набожность. Многие бедные мона-

хи, обладатели небольших хижин, шалашей и т. п., большинство бедных киновий греческих и скитов (например, Ксенофского скита, соседнего Руссику) привыкли видеть добро и помощь от русских монахов.

На Афоне много честных и простых греков-монахов, имеющих правила, благодарное сердце и чуждых еще, как я говорил уже не раз, племенной исключительности, обуревающей нынче до гадости крайних политиков обеих борющихся сторон – и греческой, и болгарской.

В-третьих, расчетливые люди на Афоне побоятся оскорбить Россию и русских, потворствуя сколько-нибудь явно извержению русских. Наконец (и это главное), откуда взяли крайние греки, будто для Турции была бы выгодна полная эллинизация Афона? Для Турции, чем разнороднее его племена, тем выгоднее.

Будь на Афоне все одни греки, племенная политика Эллады могла бы, наконец, восторжествовать над местными афонскими интересами и убеждениями; исключительно греческий *филетизм* мог бы легче заразить по-

степенно и тех монахов-греков, которые до сих пор были чужды ему и которые теперь гораздо больше думают о спасении души или о скромных вещественных нуждах своих, чем о «великой идее» и об эллинизации Турции.

Будь на Афоне одни лишь греки, Афон, подготовленный сперва деятельною эллинскою пропагандой, расположенный столь близко от греческих островов и Фессалии, мог бы легче, в минуту каких-нибудь замешательств, отпасть от Турции к Элладе.

Какая же в этом выгода для Турции?

Точно так же неудобно было бы для Турции, если б Афон был весь болгарский. Болгарские земли тоже близко, и духовенство болгарское совершенно в руках своего народа. Оно вовсе не свободно. Я полагаю даже, что близость стран болгарских, или стремящихся к болгаризму, как, например, Македония, делает то, что для турок может казаться неудобным не только полная болгаризация Афона, но и просто численный перевес болгар над греками на Святой Горе.

Я рассматриваю дело теперь с точки зрения крайней турецкой подозрительности и,

становясь искренно на место турецких политиков, говорю себе так: за греков теперь на Афоне *число*, за болгар – *географическое положение* (ибо все-таки Фессалия, Эллада и острова греческие гораздо удаленнее от Афона, чем Македония, *которой Афон есть часть* и географически, и административно). У русских же на Афоне, может быть, скорее чем у кого бы то ни было, сильная поддержка извне. Но зато они удаленнее всех других от своего племени, от своей родины, и не имеют никаких, сравнительно с греками и болгарам, местных политических интересов. Русское правительство или двигатели русского общественного мнения, если бы и желали иметь *влияние* на дела Афона через посредство русских монахов, как уверяют нас греки, то это им нелегко издали, а мы, турки, легко можем противопоставить им всегда и греков, и болгар, которые близко. Не оскорбляя никого и не потворствуя исключительно никому ни внутри империи, ни вне ее, мы лучше удержим за собой то более самобытное и приличное великой державе положение, которое мы приобрели теперь, с одной стороны, благода-

ря унижению Франции и сравнительному ослаблению Англии, а с другой – благодаря особым взаимным отношениям Германии и России, в которых взаимные опасения и некоторые общие выгоды парализуются и уравновешиваются взаимно. За русских монахов на Афоне – деньги русские и незримый, но всегда ощутительный вес великой державы; за болгар – местность и полная солидарность их нового духовенства с их народом, который держит все свое духовенство в руках и может внушить ему что угодно, когда ему вздумается сделать какой-нибудь политический *volte-face*[5]. За греков на Афоне – число, язык официальный, предания и власть патриархии. За греков – больше реальных сил и даже русские деньги в их руках на Афоне. Другие племена поэтому, примешанные к грекам на Афоне, вредить *мне, Турции*, не могут; они, напротив, полезны тем, что могут одним пассивным, бессознательным сопротивлением своим или даже равнодушием к эллинизации Афона противодействовать национальной пропаганде мирских греков, теперь столь любивших нас, турок, страха ради всеславянского.

Так должны думать умные турки.

Divide et impera![6] Не правда ли? Но будем же, наконец, справедливы и мы. Чем виноваты эти турки, столь беспощадно и бессовестно оклеветанные в разных органах либерального и прогрессивного фразерства? Чем виноваты турки в том, что *люди иной веры* сами ищут разрыва и сепаратизма? Если *внешний* вид справедливости, беспристрастия и своего рода невмешательства совпадает у турок с *внутренним* сознанием, что буйные раздоры мирских христиан и мирная пестрота афонского населения для целостности империи выгодны, то кто же может за это осудить их?

Странное было бы дело, если бы государственные люди, которых предки мечом и кровью своей завоевали во время оно и расстроенную по собственной вине Византию, и грубые, некультурные племена соседних ей славян, не имевших никакой солидной организации, – если б эти государственные люди Турции пренебрегли своим долгом, в угоду кому же? – «Фар-дю-Босфору», с одной стороны, или публицистам лжеславянским, вроде сотрудников «Вестника Европы», воображающих,

что они понимают восточные дела и знают, в каком именно духе действует генерал Игнатъев, которого обязанности так важны и так сложны!

Впрочем, чтобы русские монахи не чересчур размножились на Афоне, об этом туркам и заботиться нечего; об этом позаботятся разными путями *внешние греки*, мирские члены патриаршего синода, даже некоторые политикующие проэсты афонских богатых обителей в шелковых рясах, курящие наргиле или жертвующие, Бог знает с какой стати, свои деньги на афинский университет, до которого и православию вообще, и Афону нет никакого дела.

Сирский епископ Ликург, молодой иерарх свободной Греции, которого слова уже один раз я приводил, прошедшею осенью прибыл на Афон. Слух прошел, что он едет туда с целью противодействовать русским.

И действительно, рассказывают, будто бы он предостерегал афонских греков от *излишеств* русского влияния; но тем не менее, как человек серьезно образованный, как христианин добросовестный, он отдал честь Афону за

то именно, за что и мы его хвалим, именно за *чистоту* и *прямоту* его православия. В статьях газеты «*Νεόλογος*» он говорит также о том, что чрезмерного усиления русских на Афоне бояться не следует более; это обрусение возможно было бы в старину, но что теперь греки слишком зорки, чтобы допустить его.

Вот это не клевета и не ложь, а спокойное суждение человека, в котором греческий патриотизм не убил вполне ни православия, ни чести, ни ума.

Вторая мера, которую должна-де принять Порта против русских на Афоне: запретить им, как русско-подданным, иметь в Турции земельную собственность и вынудить русские монастыри возвратить греческим то, что они у них купили или отняли посредством разных интриг.

Во-первых, любопытно заметить, что *русского* монастыря на Афоне, собственно, и нет ни одного. Есть два русских *скита*, св. Илии и св. Андрея, у которых на Афоне нет ни пяди земли; оба, как мы уже знаем, построены на землях монастырей греческих (свободных,

действительных монастырей, имеющих голос в Протате и все ставропигиальные права), именно: первый скит, св. Илии, на земле Пантократора, а второй, св. Андрея, на Ватопедской земле. Они зависят от этих греческих обителей и не смеют даже дров себе брать из леса без спроса этих монастырей (отказа, впрочем, со стороны греков в этом не бывает).

Что касается знаменитого *Руссика*, или монастыря св. Пантелеймона, то у него на Афоне есть земля и хороший лес, и есть еще под Салониками небольшое имение, Каламарья, которое едва-едва окупает труд земледельческий.

Но как же отнять эти земли у русских, когда, несмотря на имя свое, монастырь этот все-таки считается греческим, а отнять земли у греческой братии (составляющей, положим, хоть бы и меньшинство) – значит оказать ей весьма плохую услугу. Положение между Сциллой и Харибдой! Выгнать всех русских из св. Пантелеймона, – но монастырь этот, до поселения в нем русских, нуждался в насущном хлебе, собора не было, в церковной утвари был недостаток... С русскими явились и

хлеб, и собор, и облачения, и почесть. Старый и благочестивый добрый отец Герасим, игумен этой обители – грек, но он первый будет за русских горю; он не раз говорил греческой братии об унижениях и крайности, которые терпел этот монастырь до наполнения его русскими.

Не выгоняя русских, отнять у них землю? Но ведь земля принадлежит не русским, а собственнику идеальному, то есть обители, и отнять ее у русских пришлецов значит ограбить и туземных греков, живущих с ними.

Св. Андреевский скит, правда, приобрел недавно хорошую землю вне Афона, около города Каваллы; эту бы можно отнять у *русско-подданных*, по совету «Phare du Bosphore», но ведь сама же эта газета говорит ниже вот что:

«Недавно монах, управляющий чифтликком св. Андрея около Каваллы, явился к губернатору с драгоманом русского консульства. Паша не принял их и сказал: *все монахи здесь подданные султана*».

Я знаю управителя св. Андреевского хутора или скита, у Каваллы. Если это правда; что

он пошел по официальному делу к паше или каймакаму с драгоманом консульского агентства в Кавалле, то он поступил, конечно, без такта. Но, с другой стороны, что-нибудь одно: или русские монахи – подданные султана, тогда они могут владеть землею; или они русско-подданные, тогда они могут прибегать по трактатам и законно к защите консульской.

Я, впрочем, вполне согласен как с тем, что давно пора признать права местных турецких трибуналов (подобно тому, как мы признаем их в Египте), так и с тем, что ныне с каждым годом становится иностранцу все выгоднее и выгоднее быть турецким подданным в Турции, чем иностранным.

Я расскажу здесь об одном любопытном деле, которого я был свидетелем.

Приехал прошлым летом на Афон бельгийский консул в Салониках. Он, вместе с тем, и агент пароходной компании «Messageries». Он просил русского архимандрита, отца Макария, способствовать делам этой французской компании, направляя русских богомольцев на ее пароходы.

Архимандрит Макарий отвечал, что не мо-

жет этого сделать, ибо русских богомольцев привозит на Афон компания турецких пароходов.

– Мы не находим приличным, – сказал архимандрит, – действовать в ущерб интересам компании, находящейся под покровом правительства; к тому же турецкие пароходы возят богомольцев очень аккуратно и покойно. Прежде езжали сюда французские пароходы, но на них очень грубо обращались с поклонниками, бросали как попало вещи, отъезжали от берега скоро, не трудясь брать карантинной практики, и мы не знали, имеем ли право принимать людей к себе или нет. Жалобы оставались все без внимания. Турецкой же компаниею мы довольны.

Агент «Messageries», сам человек весьма, впрочем, порядочный, удивился, что *нынешние* турки вежливее *нынешних* французов. Турки просветились больше; французы огрубели против прежнего.

Позднее пошел слух, что Русское Общество Пароходства и Торговли согласилось с «Messageries» для перевозки поклонников, но русские монахи немедленно приняли меры,

чтобы это соглашение расстроилось и чтобы наше Общество вошло в сношение с турецким.

Какие же еще меры предлагает эллино-германская редакция «Фара» против ни в чем политически не повинных русских купцов, оставших офицеров и чиновников, семинаристов, солдат и крестьян, простодушно ушедших на Афон *спасаться* и не подозревавших никогда, что они, бедные, так страшны?

Третья мера вот такая: игуменам быть избираемым только из греков и никогда из русских. Но ни в одном афонском монастыре не было ни разу и нет теперь русского игумена. Св. Андреевский скит и св. Ильинские обители зависят от греческих начальствующих монастырей; в тех зависимых обителях, правда, теперь игуменами русские, но прошлого года в Ильинском скиту скончался игумен отец Паисий, *родом болгарин*, а не русский.

К тому же из краткого очерка волнений в этом Ильинском скиту мы видели, до чего сильно могут влиять начальствующие монастыри на Афоне на избрание или утверждение игуменов в скитах.

В Пантелеймоновском независимом монастыре, или в Руссике, я говорил уже не раз, игумен грек, отец Герасим.

Далее, четвертая мера: *запретить иностранным поклонникам посещать Афон без особого разрешения патриархии.*

Это осуществимо, конечно; но не скажет за это весь Афон спасибо эллинскому патриотизму. Я говорю не о русских только, а обо всем Афоне, на котором большинство греки же.

Но греки эти – монахи; они имеют свои *особые* предания, свои особые нужды, свои отдельные от эллинских интересов духовные и вещественные потребности.

Неизвестно еще, понравится ли афонскому Протату, привыкшему в течение столетий к самоуправлению, покориться безусловно таким внушениям племенной и мирской эллинской пропаганды?

Афон прежде всего хочет быть Афоном. Таков он был до сих пор.

Пусть спросят откровенно мнения афонцев об Элладе и Турции, например. Все греческие монахи, если только они будут *искренни*, ответят, что принадлежать Элладе было бы

гибелью для Святой Горы, что эллины не о том думают, как бы пожертвовать деньги из личного благочестия на монастыри, а как бы с монастырей взять деньги на свои мирские потребности. Что в Турции Церковь свободнее, чем в Греции, что монашество у турок (которые вообще религиознее греков) в большем уважении, чем в свободной Элладе, что в 1854 году, наконец, Афон от турецких войск почти вовсе не страдал, а от эллинских волонтеров и от повстанцев соседних греческих сел едва спасся, – это дело известное.

Так говорят теперь афонские греки и будут долго так говорить, если турки не дадут слишком усилиться на Святой Горе эллинской пропаганде.

Русские монахи тоже довольны турецким правительством. Я нарочно расспрашивал некоторых простых русских монахов, чьих суждения не искажены никакими предвзятыми идеями или тенденциями. Они все турок очень хвалили и говорили: «Сказать по правде, так турки будут помилосерднее и посправедливее всех здешних народов. *Турок жалостлив*».

Это до такой степени верно, что я бы мог здесь привести этому бездну примеров, если бы позволило место. Сверх того, особенность положения афонского населения – это широкое самоуправление под властью султана – действует и на русских.

Отчего русский монах остался на Афоне? Отчего он предпочел постричься здесь? Во-первых, женщин нет за чертой Афона. Во-вторых, постричься легко; в России же положена этому тысяча препятствий, вследствие рекрутчины и тому подобных условий, которых для христиан в Турции нет. В-третьих, на Афоне можно жить, как хочешь, в богатом монастыре, в бедном, в особом домике с церковью, зная над собой один лишь нравственный суд – избранного духовника; в пещере, в шалаше среди леса, под скалой на открытом воздухе – никто не мешает. Увидит турок, полицейский или жандарм, похвалит и скажет: «Святой человек, пророку Иссе и пророчице Мариам служит; и у нас, *в'Аллах!* есть такие хорошие дервиши». Правда, что и в России иные рады видеть человека *Божия* в лесу; но вдруг возьмется откуда-то становой или ка-

кой-нибудь другой просвещенный человек и обнаружит предупредительное усердие. «Зачем это голый человек в лесу? Это беспорядок!» Отшельнику русскому и тяжелы такие просвещенные заботы...

Помнят русские монахи свою милую родину, вздыхают иногда о ней, благодарят ее за помощь, молятся за нее, и сами, конечно, ничего подобного приведенному выше не скажут без вызова; но если их поставить *au pied du mur*[7], то они признаются, что эти соображения верны. «Исправились, много исправились нечестивые агаряне и лучше многих – увы, многих! – христиан умеют чтить чужую святыню!»

Пятая мера: приказать болгарским монастырям Хилендарю и Зографу признать схизму или выгнать вон с Афона болгарских монахов.

По последним слухам, эти оба монастыря встретили *безмолвием* патриаршее отлучение. Неизвестно только, читали ли они его в церквах своих. Впрочем, если б они и не прочли его, то хотя это было бы явное ослушание духовного начальства, хотя это был бы *филе-*

тизм, но, во всяком случае, турецкое правительство опять-таки не совсем солидарно с патриархией и с эллинизмом, точно так же, как оно не солидарно во всем с экзархатом и с болгарскими чувствами.

Выгнать болгар с Афона без согласия турок нельзя, а туркам, повторяем, выгоднее Афон *пестрый*, чем Афон *однородный*.

Прибавим здесь, кстати, и то, что в греко-русском Пантелеймоновском монастыре прочли в церкви объявление схизмы, которое не хотят читать в Хилендаре и Зографе.

Вот и еще новое доказательство тому, что я утверждал не раз, именно, что болгары – одно, а русские – другое. Эту разницу видимо признает и статья «Неологоса», которую приписывают преосвященному Ликургу.

Наконец, *шестая и последняя* мера, предлагаемая газетой, вовсе вздорная.

Она советует уничтожить аристократическое преобладание *пяти каких-то монастырей* и дать всем двадцати монастырям право голоса в Протате. Это уже Бог знает что такое! В Протате и теперь все двадцать монастырей (из которых семнадцать греческих, два бол-

гарских и один греко-русский по населению) имеют право голоса.

Во всех газетах константинопольских напечатано недавно, что в патриархии начались заседания комиссии, приготавливающей проект действий на Святой Горе.

Лица, из которых она состоит, Варнский и Ларисский епископы, и светские члены, гг. Антопуло и Психари, пользуются общим уважением в Константинополе, и поэтому можно быть уверенным, что справедливость и здравый смысл возьмут верх в этом вопросе. К тому же не надо забывать об иноверной власти, которая не увлечена ничем исключительно.

По странной игре политических событий, по исходу греко-болгарского вопроса, не предвиденному для многих людей, даже очень умных и знающих Восток, оказывается, что в наше время *чистейшие интересы православия* (не политического, а духовного) тесно связаны с *владычеством мусульманского государя*.

Власть Магометова наследника есть залог охранения и *свободы* для христианского аскетизма.

Я кончил.

Я желал, с одной стороны, оправдать русских афонцев пред турецким правительством; с другой – я хотел показать, что всему совокупному Афону выгодно теперешнее его положение *самоуправления под султанской властью*.

Политическая власть турок, церковная зависимость от Вселенской греческой патриархии, денежная постоянная помощь из России: вот тройная зависимость, заключающая в себе наилучшие залогов внутренней свободы для Святой Горы.

Подвластная туркам и населенная разноплеменными монахами, она сохранит истинный характер – быть самым верным иноческим убежищем и очагом чистого православия. Афон будет достигать только при таком порядке дел своей особенной цели. Всякая племенная исключительность – русская, греческая, болгарская – одинаково погубит афонскую жизнь и лишит Афон смысла.

Мне хотелось бы также оправдать афонских греков пред русским обществом.

Поверхностное знакомство нашего обще-

ства с Востоком, туман и неотчетливость, с которыми являются подобные дела издали, пугают меня.

Было бы очень прискорбно, если бы, по незнанию, благочестивые русские люди смешали крики афинских демагогов, слабости греческих епископов (насилуемых отчасти крайними мнениями мирян) с мирными и добрыми монахами-греками, живущими на Афоне.

Повторяю, большинство их еще не успело исказить своих церковных убеждений пленными стремлениями; большинство их живет по-прежнему или жизнью строго аскетической, или, по крайней мере, мирной местной жизнью, оставаясь равно чуждым и мирскому эллинизму, и крайнему славизму.

Пусть по-прежнему посылаются на Афон денежные приношения и всякие дары личной набожности, пусть Россия останется по-прежнему «столбом православия», как зовут ее многие еще до сих пор на Востоке.

Не все греки одинаково красны и неразумны.

Греки – *enfants terribles*[8] Востока. Они об-

разумятся. *Дальше им некуда идти...* Россия же должна быть спокойна и простить *пророчески*, не дожидаясь *обращения*, которое не замедлит.

Примечания

Из этих 20 монастырей некоторые *общежительные* (киновиальные *сéноbies*), другие *своеобычные* (по-гречески ἰδιόρρυθμα). Разница в том, что в *общежительных* царствует строжайший коммунизм; никто не имеет ни права личной собственности, ни денег при себе, ни пищи в своей комнате без особого на то разрешения начальства, да и то очень редко, в случае путешествия, болезни или вообще чего-нибудь исключительного. Напротив, в *идиоритмах*, то есть *своеобычных*, подчиняясь в главных основаниях монастырской жизни общему уставу, монахи имеют право жить гораздо свободнее, чем в киновиях; общего обязательного стола нет; каждый может есть в своей келье (хотя в трапезе каждый день готовится какое-нибудь самое простое кушанье для неимущих посетителей, для работников и для монахов, не желающих есть у себя). Сверх того, один монах может быть *лично* очень богат, а другой не иметь ничего и т. д. Всех своих денег отдавать в общую кассу, как в *киновиях*, монах *своеобычного* монастыря не обя-

зан. Всем выдается из монастырских кладовых и погребов *нечто* общее – масло, мука и т. п.; а сверх того, каждый может приобретать и издерживать свои средства как хочет – конечно, не на какие-нибудь вовсе недопустимые в обители вещи. Иные русские писатели, печатавшие об Афоне, называют эти монастыри *штатными*, потому что в России подобные своеобразные монастыри имеют определенный *штат*, определенное *число* монахов; на Афоне этого нет; монастырь принимает сколько ему угодно людей.

[^^^]

4

Это ошибка моя; греки правы. Авг. 1884.

[^^^]

5

Внезапный, резкий поворот (*фр.*).

[^^^]

6

Разделяй и властвуй! (*лат.*).

[^^^]

Сорвиголовы (*фр.*).

[^^^]